

The Armenian Center
for National and International Studies

Ռազմավարական եւ ազգային հետազոտությունների
հայկական կենտրոն

Армянский центр стратегических и
национальных исследований

ACNIS POLICY BRIEF
Number Three

CRISIS IN IRAN: LESSONS FOR ARMENIA

**A COMPARATIVE ANALYSIS: LESSONS FOR ARMENIA FROM
THE UNREST IN IRAN**

Richard Giragosian
ACNIS Director

ИРАН: ПОД УДАР ПОПАЛА ТЕОКРАТИЯ

Выборы превратились в неразрешимую проблему для авторитарных стран

Манвел Саркисян
старший эксперт АЦСНИ

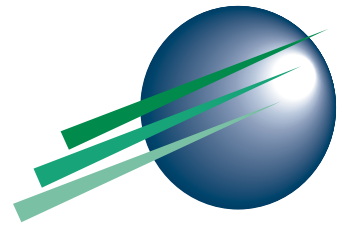
June 2009
Yerevan

The views expressed here are those of the individual authors and do not necessarily coincide with those of the Center.

© 2009, Ռազմավարական եւ ազգային հետազոտությունների հայկական կենտրոն:
Հոդվածի կամ նրա առանձին հատվածների հրապարակումը առանց ՌԱՀՀԿ-ի գրավոր թույլտվության արգելվում է:

© 2009, Армянский центр стратегических и национальных исследований.
Публикация статьи или отдельных ее частей без письменного разрешения АЦСНИ запрещена.

© 2009, Armenian Center for National and International Studies.
This publication may not be reproduced or published, in whole or in part, without the express written consent of the Center.

The Armenian Center
for National and International Studies

**ACNIS POLICY BRIEF
Number Three
June 2009**

**Roundtable Discussion
25 June 2009**

“Crisis in Iran: Lessons for Armenia”

**“A Comparative Analysis: Lessons for Armenia from the Unrest in
Iran”**

Richard Giragosian
Director
Armenian Center for National and
International Studies (ACNIS)
director@acnis.am

“A Comparative Analysis: Lessons for Armenia from the Unrest in Iran”

**Richard Giragosian
Director
Armenian Center for National and
International Studies (ACNIS)**

Introduction

For nearly two weeks, Armenia’s southern neighbor Iran has been gripped by a powerful, and at times, even violent post-election crisis. While the past several days have seen the largest anti-government demonstrations since the 1979 Iranian revolution, with hundreds of thousands of Iranian citizens protesting a disputed presidential election, the scale and scope of these protests have also revealed an even deeper and more serious degree of economic discontent.

The post-election unrest poses the most serious challenge to the Iranian authorities since they came to power in the wake of the Iranian revolution twenty years ago. In addition, the current wave of unrest is largely directed against the ruling elite, although it is not, at least yet, targeting the system itself.

Of course, the current unrest in Iran was triggered by political developments- namely, by the 12 June presidential election, in which incumbent President Mahmoud Ahmadinejad was declared the official winner over his leading rival, former Iranian Prime Minister Hussein Mousavi. But the deeper cause of the unrest is much more than a political dispute, but stems from the broader context of the “economics of change” within Iran.

The “economics of change”

Within this context, there is also a class-based confrontation, with much of the younger and more recently empowered Iranian middle class aspiring for real change, while the older, much more conservative ruling “clerical elite” merely seeks to sustain the status quo. This division, between those hungry for change and those simply struggling to hold on to power, also reflects an inherent economic competition.

For the Iranian middle class, the imperative is to forge a new economic future for Iran, moving beyond international isolation and state-imposed sanctions. Their demands are based on more than just hopes for a better economic future, however, but also reflect

more practical socio-economic demands over corruption, social restrictions, rising inflation, declining wages and an overall lack of jobs. Such socio-economic demands, naturally shared by university students throughout Iran, have only swelled the ranks of the middle class demonstrators. And it is a formidable force, empowered by years of unmet promises and frustrated expectations, and also more politically assertive, better educated and more socially sophisticated than its rivals.

Notably, the demographics of the protests reveal an interesting generational aspect—whereby the majority of opposition demonstrators have no real memory of Iran before the 1979 revolution. This youth factor not only infers a much bolder, more courageous and even idealistic element to the anti-establishment protestors, but also implies a more difficult challenge to resolve the demands and expectations of a new generation of Iranians who have matured only within the confines of years of isolation and economic disengagement that has come to define the Islamic Republic of Iran’s world view.

On the opposing side, in open support of President Ahmadinejad, the ruling “clerical elite” is backed by a combination of more pious or religious-minded Iranians and the rural population. For these people, representing the most conservative elements of Iranian society, their future is rooted more in the past than the present, and is certainly not seeking any degree of change. The ruling elite, and the small wealthy upper class that supports it, is a product of a system that has become defined by the accumulation of wealth and power in the years after the revolution. Thus, for this group, by its very nature, any change or deviation from the status quo is seen as a threat to the system, to the state and, most importantly, as a threat to their own personal power and wealth.

And it is this underlying economic division, which has only driven and exacerbated the political unrest and mounting instability that offers several important “lessons,” and even warnings, for Armenia.

Lessons for Armenia

First, Iranians are now waging a struggle for the very future of Iran, set off by a disputed presidential election. In this way, Iran is now facing its own March 1st post-election crisis, similar to the events in Armenia last year. Both crises led to the tragic deaths of civilian demonstrators. Both episodes featured the use, and misuse, of force, with police and security forces applying an excessive and repressive response to the demonstrations. In Armenia’s case, the March 2008 crisis remains unresolved, as the authorities have been unable or unwilling to fully and fairly investigate the events of March 2008. Further, the Armenian case is also plagued by a failure to adequately resolve the underlying tension and demands emanating from that crisis.

The second lesson for Armenia from the current crisis in Iran is the fact that the election revealed that very serious domestic contradictions quickly developed into a highly volatile and explosive internal situation that no ideology, no matter how powerful, could contain. For the Armenian authorities, this lesson also includes a warning: that there can be no political panacea or substitute for not addressing concrete socio-economic problems. And with Iran, it is also clear that the recent crisis has shown that no country in this modern world can remain truly isolated.

But it is the third lesson from Iran, the “economics of change” as a driving force behind this tension that is even more worrisome for Armenia. In both cases, young Iranians and Armenians share the same hopes, for a brighter future, for economic opportunities, and for a voice in how their country is governed.

For both countries, there is no return to the pre-crisis status quo. The political and economic demands for change remain unmet. But to continue to ignore these basic demands and natural expectations, sparks a real risk of only prolonging the crisis, and most dangerously, of merely fueling the fire of discontent.

Իրանի խժոժությունների դասերը Հայաստանի համար

Ռիչարդ Կիրակոսյան

Անցյալ շաբաթվա մեծ մասի ընթացքում Հայաստանի հարավային հարևան Իրանը համակված էր խոր հետընտրական ճգնաժամով, որը երբեմն ծայրահեղ դրսևորումներ էր ընդունում: Վերջին մի քանի օրերն ականատես եղան 1979թ. իրանական հեղափոխությունից հետո ամենամեծ հակակառավարական ցույցերին, որոնց ընթացքում Իրանի հարյուր հազարավոր քաղաքացիներ իրենց բողոքն արտահայտեցին նախագահական ընտրությունների վիճահարույց արդյունքների դեմ: Այդ բողոքների մասշտաբները նաև բացահայտեցին [հասարակության] ավելի խոր ու ավելի լուրջ տնտեսական դժգոհությունը:

Հետընտրական անհանգստություններն ամենալուրջ մարտահրավերն են, որոնց իրանական իշխանությունները բախվում են 20 տարի առաջ իրանական հեղափոխության շնորհիվ իշխանության գալուց հետո: Բացի այդ, անհանգստությունների ներկա ալիքը հիմնականում ուղղված է իշխող վերնախավի, այլ ոչ, առնվազն առայժմ, բուն համակարգի դեմ:

Ներկա անհանգստությունների առիթը, անկասկած, քաղաքական զարգացումներն են, մասնավորապես՝ հունիսի 12-ի նախագահական ընտրությունները, որոնց արդյունքներով պաշտոնապես հայտարարվեց, որ պաշտոնավարող նախագահ Մահմուդ Ախմադինեժադը հաղթանակ է տարել իր հիմնական մրցակից, նախկին վարչապետ Հոսեյն Մուսավիի նկատմամբ: Սակայն անհանգստությունների ավելի խոր պատճառը պարզապես քաղաքական անհամաձայնությունը չէ, այն պայմանավորված է Իրանում «փոփոխությունների Էկոնոմիկայի» ավելի լայն համատեքստով:

«Փոփոխությունների Էկոնոմիկա»

«Փոփոխությունների Էկոնոմիկայի» այս համատեքստում կա նաև դասակարգային հիմք ունեցող հակամարտություն. ավելի երիտասարդ և ավելի ուշ կայացած իրանական միջին խավը ձգտում է իրական փոփոխությունների, մինչդեռ ավելի տարեց և շատ ավելի պահպանողական իշխող կղերական վերնախավը պարզապես ձգտում է պահպանել ստատուս քվոն: Այս բաժանումը՝ փոփոխության ձգտողների և պարզապես իշխանությունը պահպանել ձգտողների միջև, նաև արտացոլում է տնտեսական մրցակցություն:

Իրանի միջին խավի համար ժամանակի հրամայականը նոր տնտեսական ապագա ձևավորելն ու միջազգային մեկուսացումից և պետական պատժամիջոցներից ձերբազատվելն է: Նրանց պահանջները հիմնված են ոչ թե պարզապես ավելի լավ տնտեսական ապագայի հույսերի վրա, այլ արտացոլում են ավելի գործնական պահանջներ, որոնք առնչվում են կոռուպցիային, սոցիալական սահմանափակումներին, աճող սղաճին, նվազող աշխատավարձերին և, ամենից ավելի, աշխատատեղերի պակասին: Նման տնտեսական պահանջները, որոնք, բնականաբար, կիսում է Իրանի ուսանողությունը, միայն համալրում են միջին խավի ցուցարարների շարքերը: Եվ դա

ահռելի ուժ է, որի հիմքում տարիներով չկատարված խոստումներն ու չիրականացած ակնկալիքների հիասթափությունն են: Այդ ուժը նաև քաղաքականապես ավելի հավակնոտ է, ավելի կրթված ու սոցիալապես ավելի փորձառու, քան նրա մրցակիցները:

Բողոքի ցույցերի ժողովրդագրությունը բացահայտում է մի հետաքրքիր սերնդային հանգամանք. ընդդիմադիր ցուցարարների մեծ մասը չի հիշում 1979թ. հեղափոխությունից առաջվա Իրանը: Երիտասարդության այս գործոնը ենթադրում է շատ ավելի համարձակ, ավելի խիզախ ու նույնիսկ ավելի իդեալիստական տարր հակաիշխանական ցուցարարների շարքերում, սակայն նաև ավելի դժվար մարտահրավեր՝ բավարարելու իրանցիների նոր սերնդի պահանջներն ու ակնկալիքները, մի սերունդ, որ հասունացել է Իրանի Իսլամական Հանրապետության աշխարհայացքը ձևավորած մեկուսացման և տնտեսական դժվարությունների տարիներին:

Հակադիր ճամբարում՝ բացահայտորեն սատարելով Նախագահ Ահմադինեժադին, իշխող «կղերական վերնախավին» աջակցում են ավելի կրոնապաշտ կամ կրոնամետ իրանցիներն ու գյուղական բնակչությունը: Այդ մարդկանց համար, որոնք ներկայացնում են իրանյան հասարակության ամենապահպանողական տարրերը, ապագան ավելի շատ արմատավորված է նրանց անցյալում, քան ապագայում, և նրանք, անկասկած, ոչ մի փոփոխություն չեն ցանկանում: Այս իշխող վերնախավը և նրան աջակցող փոքրաթիվ հարուստ բարձր խավը արգասիքն են մի համակարգի, որը ձևավորվել է հարստության և իշխանության կուտակմամբ հեղափոխությունը հաջորդած տարիների ընթացքում: Այսպիսով, այս խմբի համար՝ պայմանավորված նրա բուն բնույթով, ցանկացած փոփոխություն կամ շեղում ստատուս քվոյից դիտվում են որպես սպառնալիք համակարգին, պետությանը և, ամենակարևորը՝ սպառնալիք իրենց անձնական իշխանությանն ու հարստությանը:

Եվ քաղաքական անհանգստություններն ու ահազնացող անկայունությունն առաջ բերած ու խորացրած հենց այս հիմքային տնտեսական բաժանումն է, որ մի շարք կարևոր «դասեր» կամ նույնիսկ զգուշացումներ է պարունակում Հայաստանի համար:

Դասեր Հայաստանի համար

Հայաստանի համար Իրանի խժոժությունները պարունակում են մի քանի դասեր և նույնիսկ զգուշացումներ: Նախ՝ իրանցիները հիմա պայքար են մղում հանուն Իրանի բուն ապագայի, որը սկսվել է Նախագահական վիճահարույց ընտրություններով: Այս առումով, Իրանը հիմա բախվել է սեփական մարտի 1-ի հետընտրական ճգնաժամի, որը նման է Հայաստանի անցյալ տարվա իրադարձություններին: Երկու ճգնաժամերն էլ հանգեցրին քաղաքացիական ցուցարարների ողբերգական մահվան: Երկու դեպքում էլ տեղի ունեցան ուժի գործադրում և չարաշահում, ոստիկանությունն ու անվտանգության ուժերը անհամարժեք ուժ կիրառեցին և ճնշեցին ցույցերը: Հայաստանի պարագայում 2008թ. մարտի ճգնաժամը չի լուծվել առ այսօր, քանի որ իշխանությունները չեն կարողացել կամ չեն ցանկացել ամբողջությամբ և արդարաբար հետաքննել 2008թ. մարտի իրադարձությունները: Ավելին՝ Հայաստանի պարագայում

վիճակը վատթարացել է նրանով, որ ճգնաժամի պահանջներն ու հիմքային լարվածությունը համապատասխան արձագանքի չեն արժանացել:

Իրանի ներկա ճգնաժամի երկրորդ դասը Հայաստանի համար այն է, որ ընտրությունները բացահայտեցին, որ շատ լուրջ ներքին հակասություններն արագ վերաճեցին շատ անկայուն և պայթյունավտանգ ներքին վիճակի, որը չի կարող հարթել ոչ մի գաղափարախոսություն՝ որքան էլ այն հզոր լինի: Հայաստանի իշխանությունների համար այս դասը նաև զգուշացում է պարունակում առ այն, որ կոնկրետ սոցիալ-տնտեսական խնդիրները չլուծելու համար չի կարող լինել քաղաքական համադարման կամ փոխարինող: Իսկ Իրանի պարագայում նաև պարզ է, որ վերջին ճգնաժամը ցույց է տվել, որ ժամանակակից աշխարհում ոչ մի երկիր չի կարող լիովին մեկուսացված մնալ:

Սակայն Հայաստանի համար ամենամտահոգիչն Իրանի դասերից երրորդն է՝ «փոփոխությունների Էկոնոմիկան», որպես այս լարվածության շարժիչ ուժ: Երկու դեպքում էլ երիտասարդ իրանցիներն ու հայաստանցիները փայփայում են նույն հույսերը՝ ավելի պայծառ ապագայի, տնտեսական հնարավորությունների և ձայնի իրավունքի իրենց երկրների կառավարման գործում:

Երկու երկրներում էլ հնարավոր չէ վերադարձ դեպի նախաճգնաժամային ստատուս քվո: Փոփոխությունների քաղաքական ու տնտեսական պահանջները մնում են չբավարարված: Սակայն այս հիմնական պահանջներն ու բնական ակնկալիքներն անտեսելու դեպքում առկա է ճգնաժամը երկարաձգելու իրական սպառնալիք, և ամենավտանգավորն այն է, որ դա միայն կրորդի դժգոհության կրակը:

Уроки иранских событий для Армении

Ричард Киракосян

Большую часть прошедшей недели Иран был охвачен мощным, порой доходящим до ожесточенности поствыборным кризисом. За последние несколько дней здесь состоялись крупнейшие со времен иранской революции 1979 года антиправительственные демонстрации с участием сотен тысяч граждан страны, протестовавших в связи со спорными результатами президентских выборов. Масштабы и размах протестных акций выявили также недовольство экономического характера, носящее даже более глубокий и серьезный характер.

Поствыборные беспорядки поставили перед руководством Ирана самые серьезные после прихода к власти 20 лет назад в результате Иранской революции задачи и вызовы. К тому же нынешняя волна беспорядков в основном направлена против правящей элиты, хотя и не нацелена против - по крайней мере, пока – самой системы.

Происходящее сегодня в Иране, безусловно, спровоцировано политическими развитиями, а именно состоявшимися 12 июня президентскими выборами, в которых действующий президент Махмуд Ахмадинежад был объявлен победителем в борьбе с основным конкурентом – бывшим премьер-министром Ирана Хоссейном Мусави. Однако причина беспорядков на самом деле глубже, нежели просто политические разногласия, и вытекает из более широкого контекста иранской «экономики перемен».

«Экономика перемен»

В контексте «экономики перемен» наблюдается еще и противостоянии, основанное на классовом подходе. Молодой и наделенный в последнее время определенными рычагами средний класс Ирана страстно стремится к реальным реформам, в то время как старшее поколение, в большинстве своем состоящее из консервативной правящей «духовной элиты», всячески старается сохранить нынешний статус-кво. Этот раскол между теми, кто охвачен жадой перемен, и теми, кто просто цепляется за власть, отражает также и соперничество в сфере экономики.

Для представителей среднего класса Ирана императивом является новое экономическое будущее, выход из экономической изоляции и избавление от наложенных на страну санкций. Их требования, вместе с тем, выходят за пределы просто надежд на лучшее экономическое будущее и отражают при этом практические требования борьбы с коррупцией, социальными ограничениями, инфляцией, снижением зарплат и повсеместной нехваткой рабочих мест. Такого рода экономические требования, разделяемые, естественно, иранским студенчеством, только умножают ряды среднего класса, превращая его в грозную силу, укрепившуюся за годы невыполненных обещаний и обманутых ожиданий, и одновременно политически более приемлемую, лучше образованную и социально более искушенную, нежели те, кто противостоит ей.

Примечательно, что возрастные показатели протестных акций выявляют интересные аспекты в смысле поколений: большинство протестующих оппозиционеров в реальности не помнят о ситуации в Иране до революции 1979 года. Этот фактор молодежи не только привносит элементы большей смелости, напористости и даже идеализма в антиправительственные демонстрации, но и подразумевает куда большие сложности в решении проблем и удовлетворении ожиданий нового поколения иранцев, выросших в условиях изолированности и экономической замкнутости, как следствия отношения международного сообщества к Исламской Республике Иран.

На другой стороне этого противостояния правящая «церковная элита», открыто поддерживая президента Ахмадинежада, опирается на более набожную или религиозно-мыслящую часть граждан, а также на сельское население. Для этих людей, представляющих наиболее консервативные элементы иранского общества, будущее коренится скорее в прошлом, нежели в настоящем, и они уж точно не хотят никаких перемен. Таким образом, эта группа, уже в силу своего характера, любое изменение системы или отклонение от статуса-кво рассматривает как угрозу системе, государству и, что самое главное, угрозу собственной власти и благосостоянию.

Именно это глубинный экономический водораздел, который движет и обостряет политическое противостояние и увеличивает нестабильность, и содержит несколько важных «уроков» вплоть до предупреждений для Армении.

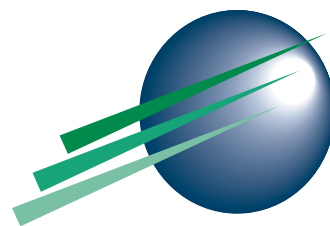
Уроки для Армении

Иранские события таят в себе несколько существенных уроков и даже пару предупреждений для Армении. Во-первых, в Иране сейчас идет борьба именно за будущее страны, вызванная спорными президентскими выборами. В этом смысле Иран сталкивается со своим собственным поствыборным кризисом, напоминаям прошлогодние мартовские события в Армении. В обоих случаях этот кризис привел к смерти мирных демонстрантов. В обоих случаях наличествует использование и неправильное применение оружия со стороны сил правопорядка, которые прибегли к насильственным методам в ответ на действия протестующих. В случае с Арменией мартовский кризис по сей день остается неразрешенным в силу того, что власти оказались неспособны или не захотели провести полное и справедливое расследование случившегося. К тому же в Армении не удалось адекватно решить проблему внутренней напряженности и найти выход из создавшегося кризиса.

Вторым уроком иранского кризиса для Армении является тот факт, что выборы выявили очень серьезные внутренние противоречия, которые быстро вылились в крайне неустойчивую и взрывоопасную ситуацию, не содержащую в себе ни какой-либо идеологии. Для армянских властей этот урок таит в себе и предупреждение: не может быть политической панацеи или суррогата там, где отсутствует решение конкретных социально-экономических проблем. А в случае с Ираном ясно также, что ни одна страна в современном мире не может оставаться действительно изолированной.

Но есть еще и третий иранский урок: «экономика перемен» как движущая сила создавшегося напряжения, что, возможно, является даже более тревожным сигналом для Армении. В обоих случаях молодежь Ирана и Армении лелеет одинаковые надежды на лучшее будущее, на экономические возможности и участие в управлении своей страной.

Для обеих стран нет возврата к довыборному статусу-кво. Политические и экономические требования и запросы остаются неудовлетворенными. Дальнейшее игнорирование этих требований и естественных ожиданий чревато риском продолжения кризиса и, что более опасно, разжиганием огня недовольства.

Армянский центр стратегических
и национальных исследований

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР АЦСНИ
Номер три
Июнь, 2009 г.

Иран: под удар попала теократия

Выборы превратились в неразрешимую проблему для авторитарных стран

Манвел Саркисян

*старший эксперт Армянского центра
стратегических и национальных исследований*

С момента, когда весной 2009 года США предложили России стратегию «перезагрузки» отношений, а в центре дискуссий оказалась идея совместной деятельности этих держав по сдерживанию ядерной программы Ирана, интерес к этой стране резко вырос. Подспудно, все ждали, что будет происходить с этой страной и вокруг нее. При этом, судя по публикациям в мировой прессе и действиям тех или иных стран, главный интерес представляла проблема самой реакции Ирана на новые международные тенденции. Для всех было очевидным, что если не по воле руководства Ирана, то по воле других заинтересованных субъектов, что-то должно было измениться в самое ближайшее время.

Когда в мировых СМИ появились первые сообщения о появлении поствыборных сложностей в Иране, всем стало ясным, что ожидаемую реакцию на мировые тенденции дал сам народ Ирана. При том, сделал это против воли его руководства. Точнее – отверг волю руководства в форме массовых протестов. Поскольку протесты были связаны с неприемлемыми для многих итогами

президентских выборов, в возникшей внутри Ирана политической ситуации были замечены симптомы революции.

В мировых СМИ замаячила идея очередной революции – уже в Иране. Хотя понятие «бархатная революция» до сих пор, по большей части, связывалась со странами постсоветского пространства, случай с Ираном не мог не подпасть под такой стереотип. Слишком значимым в международном смысле стал феномен выборов, чтобы не увязать президентские выборы в Иране с намерениями США привести эту страну в соответствие с «новыми требованиями» современного мира. Отнюдь не случайно, что внимание многих машинально обратилось к мировым державам, в первую очередь, к США и России.

Появились и первые оценки политической сути возникшей внутри Ирана ситуации. Наиболее проницательные наблюдатели заметили качественно новое явление в новейшей истории этой страны. Один из известных российских политологов¹ отметил: «То, что происходит в Иране, будет иметь очень далеко идущие последствия... Произошел серьезнейший сбой в иранской политической системе. Аятолла признал победу Ахмадинежада, дополнив светский ритуал (выборы) религиозным (ссылками на волю Аллаха). Однако это не остановило оппозицию. Тем самым возникла угроза легитимности не только власти Ахмадинежада, но и власти аятоллы и Совета стражей. А это уже мощный удар по всей политической и идеологической системе Ирана. Религиозная подпорка светской власти не сработала. Это не значит, что в Иране начнется эра Просвещения. Однако место религии в политической системе и в жизни общества, ее толкования могут стать предметом ожесточенных споров и раскола общества».

Что происходящие в Иране события трудно оценивать как локальное явление, видно даже из мнений тех, кто не предрекает качественные политические изменения в этой стране. Всего лишь тот факт, что Верховный духовный лидер страны аятолла Хаменеи под воздействием протестов дал согласие на частичный пересчет голосов, многими считается беспрецедентным явлением в политической системе Ирана. Спецификой ситуации является то, что действующим властям трудно использовать фактор ислама – оппозиция вовремя позаботилась об этом, отобрав цвет и флаг ислама из рук властей. А то обстоятельство, что после пересчета голосов в центре обвинений объективно окажется сам духовный лидер страны, может привести ситуацию к непредвиденным идейным поворотам.

¹ ВЛАСТЬ АЯТОЛЛ. 18 ИЮНЯ 2009 г. А. ЦУЛАДЗЕ <http://ej.ru/?a=note&id=9190>

О вероятности революции

19 июня Верховный лидер Ирана аятолла Али Хаменеи собственноручно заложил основы подрыва веры в исламский режим. В своем обращении к нации он сделал ставку на тезис о «врагах Ирана» и защитил Ахмадинежада. Он сказал, что выборы стали «политическим землетрясением для врагов Ирана, из которых наибольшее зло представляет Великобритания, и праздником для его друзей». Хаменеи отметил, что «враги силились поставить под сомнение легитимность исламских властей, задавая вопросы о выборах и их честности еще до голосования». В итоге, он призвал их завершить уличные выступления, иначе «они станут ответственными за все последствия хаоса ... ну а политические лидеры будут нести ответственность за неповиновение».

Али Хаменеи также заявил об окончательной победе президента Махмуда Ахмадинежада и отверг возможность подтасовки результатов выборов. Кроме того, он заявил, что в Иране не будет второй революции наподобие тех, которые произошли в странах бывшего СССР. Однако в тот же день по CNN появилась информация о том, что в Иране на фоне волнений, вызванных недовольством части населения итогом президентских выборов, появляются признаки того, что протесты могут привести к расколу в консервативном руководстве Ирана. Влиятельный иранский политик, спикер парламента Али Ларинджани обвинил МВД в кровавом подавлении протестов гражданского населения, в том числе студентов Тегеранского университета.

В любом случае, характер дальнейших процессов в Иране будет диктоваться теми реалиями, которые сложились в результате выборов. Будет ли услышан призыв Верховного лидера или нет, зависит от того, насколько он убедителен. А последнее обстоятельство связано с тем, насколько оно отражает истинный настрой большинства населения Ирана. В этом смысле интерес представляют учащающиеся в интернет-сети сообщения о том, что хотя по официальным данным ЦИК и МВД Ирана победу в первом туре президентских выборов одержал Махмуд Ахмадинежад – 62,6%, реформатор Мир-Хосейн Мусави набрал лишь 33,7%, в реальности, Мусави набрал около 45% голосов, Карруби – примерно 30%, Ахмадинежад – около 13%. Если такие сообщения не совсем лишены основания, то кризис в Иране надо признать глубоким.

С учетом того, что в столице Ирана Тегеране в первые поствыборные дни никакие запреты и угрозы властей не смогли заставить сотни тысяч протестующих отказаться от участия в оппозиционном митинге, урегулирование такого кризиса представляется сложным делом. Здесь и становятся понятными

ультимативные требования Али Хаменени: в них проявляется желание подрубить на корню возможные протесты. Как такая позиция может отразиться на ходе дальнейших событий, пока сказать трудно.

В связи с этим, интересны мнения ряда экспертов. Эксперт Санкт-Петербургского центра изучения Ближнего Востока Дмитрий Павлов утверждает, что «уверенная победа Ахмадинежада была абсолютно предсказуема. Предвыборные опросы в Иране проходят только в нескольких крупных городах. Но в глубинке Ахмадинежад чрезвычайно популярен из-за своей непримиримой антизападной риторики... «цветная революция» в Иране в данный момент исключена. «Все кандидаты в президенты проходят отбор на благонадежность, а такой силы, которая бросила бы вызов основам исламской теократии, в стране нет».

В вероятность «зеленой революции» (именно такой цвет использует иранская оппозиция) не верит и директор Центра изучения современного Ирана Раджаб Сафаров. «Думаю, это были локальные акции, которые не будут иметь затяжного характера и не вовлекут большого количества людей, – во всяком случае, самой политической системе Ирана точно ничего не угрожает».

Западные эксперты больше всего внимания обратили на аспект отношения США к событиям в Иране. Дан Сенор и Кристиан Уитон опубликовали в Wall Street Journal колонку, посвященную тому, каким образом Соединенные Штаты могут оказать реальную помощь сторонникам реформ в Иране. Президенту Обаме они советуют «записать еще одно видеообращение к иранскому народу. Однако на этот раз он должен признать как непреложную реальность, что режим лишился народной поддержки. Это с неизбежностью означает, что нам надо говорить с «другим Ираном». ... Главное, чтобы сами сторонники реформ проявили инициативу и сказали, в какой степени им нужна помощь США, и какая именно. Моделью может служить украинская «оранжевая революция» 2004 года. Тогда Запад выступил на стороне украинцев, отказавшихся признать результаты «украденных выборов».

С указанными деятелями полемизирует Джошуа Китинг², отмечая, что «не всякая революция – «цветная». Картинка, которую мы получаем из Тегерана, может напоминать о Киеве 2004 года, однако настроения на его улицах царят совсем другие. Разумеется, и в том, и в другом случае речь идет не только о

² Зеленая революция - это не то же, что оранжевая ("Foreign Policy", США)
Джошуа Китинг (Joshua Keating), 17 июня 2009.

демократических движениях, но и о националистических (впрочем, успешные демократические движения всегда были в основном националистическими), однако украинский и иранский национализм – совершенно разные вещи. На Украине национализм можно было направить против правительства, контролировавшегося извне – из России. ... В Иране протестующие кричат с крыш «Аллах Акбар», их лидер – явный консерватор, герой революции 1979 года. Да, они протестуют против, по-видимому, сфальсифицированных выборов, однако националистическая риторика их лидеров свидетельствует о желании не объединиться с Западом, а защитить исламское государство от коррумпированного и бездарного правления Ахмадинежада».

Как видим, все понимают специфику Ирана и происходящих там ныне событий. Мало кто считает, что молодые иранцы, вышедшие на улицы Тегерана будут рады открытой поддержке со стороны американского президента только потому, что ей были рады другие молодые люди, вышедшие некогда на улицы в совсем другой стране. Но, тем не менее, разговор идет о главном: может ли в Иране возникнуть антиисламский фронт. То есть, могут ли под ударом протестующих оказаться теократы Ирана? Актуальность такой постановки очевидна: о предреволюционной ситуации можно говорить лишь тогда, когда в протестующей среде возникнет идея «вины исламского режима». Пока об этом говорить рано.

О международных оценках и позициях

Видимо, описанная ситуация идейно-организационной неопределенности иранской оппозиции хорошо улавливается лидерами ведущих мировых держав. В первые поствыборные дни реакция на политические волнения в Иране была весьма неоднородной. В некоторой степени, она отражает то разделение, которое существует между США и странами, оспаривающими существующий мировой порядок.

Так, Махмуд Ахмадинежад 16 июня, в то время как его страна продолжала переживать самый острый политический кризис со времен революции 1979 года, поехал в Россию. Пока в его стране продолжались демонстрации, Махмуд Ахмадинежад принял участие в проходившем в Екатеринбурге на Урале саммите Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), в которую входят Россия, Китай и четыре среднеазиатские республики. Явно, он обратился за поддержкой к Москве и Пекину.

Главы государств ШОС поздравили иранского президента с переизбранием на этот пост. Ранее Россия, устами представителя Министерства иностранных дел так прокомментировала этот факт: «Вопрос выборов в Иране – это внутреннее дело иранского народа». Москва выразила удовлетворение тем, что первый визит после переизбрания президентом Ахмадинежад совершил в Россию. Российский президент Дмитрий Медведев старался не создавать впечатления, будто он полностью стоит на стороне Ахмадинежада.

На Западе реакция на события в Иране колебалась между резкостью ведущих европейских стран и философской сдержанностью США. Американский президент Барак Обама старательно дозировал свои заявления, критикуя процесс расправы над несогласными в Иране, но в то же время избегая открыто оспаривать легитимность иранского лидера, с которым его администрации, возможно, в ближайшие месяцы придется – тайно или открыто – вести деликатные переговоры. 16 июня, выразив «свою глубокую обеспокоенность» в связи с сомнениями в справедливости голосования на выборах президента Ирана, президент США Барак Обама заявил, что вмешательство Вашингтона в иранские внутренние дела не принесет пользы ни делу демократии, ни имиджу США.

Примечательно, что он лишь многозначительно отметил, что духовный лидер Ирана аятолла Али Хаменеи серьезно задумался после произошедших в стране беспорядков. Что касается протестующих в Иране, Обама дал понять, что «мир смотрит на них и восхищается их вовлеченностью в политику. Неважно, какой будет конечный итог выборов. Они должны знать, что мир смотрит на них». Белый дом всего лишь позволил ранее американскому вице-президенту Джозефу Байдену сделать куда более жесткие заявления по поводу природы нынешнего режима в Тегеране.

В Европе самые резкие комментарии в отношении иранского президента сделал Николя Саркози. Французский президент окончательно «сжег мосты» с Ахмадинежадом. По его словам, «масштабы фальсификаций пропорциональны резкости реакции иранских властей. Эти выборы – отвратительная новость. Иранский народ заслуживает чего-то другого». Французский президент открыто намекал на возможность политических преобразований в Иране, заявив: «Это драматично, но нельзя сказать, что появление настоящего протестного движения, которое пытается вырваться на свободу, это только негативный момент».

Поначалу, желание сохранить возможность диалога с Ираном даже в случае спорной победы Ахмадинежада отчетливо проявилось 17 июня в заявлениях Великобритании. Британский премьер-министр Гордон Браун подчеркнул, что

«выборы - это внутреннее дело иранского народа». Он добавил: «В Иране речь идет не о соперничестве между прозападным и антизападным кандидатом, а о соревновании, в котором должна определиться воля иранского народа». Однако, позже, 19 июня, Браун заявил, что Ирану еще предстоит доказать, что выборы были честными. Его речь прозвучала уже после того, как верховный Аятолла Али Хаменеи обозначил в качестве главного врага Ирана Великобританию.

Интересы и взвешенные подходы

Что в оценках влиятельных держав, касающихся событий в Иране, отражаются их стратегические интересы, сомневаться не приходится. Более того, в своих подходах влиятельные державы учитывают возможности перспективных взаимоотношений с Ираном в рамках планируемых ими новых стратегических проектов. Мировая пресса переполнена в эти дни сообщениями о роли Ирана в перспективных планах, как западных стран, так и России.

Считается, что Россия благодарна Тегерану за то, что Иран традиционно воздерживается от попыток экспорта исламской революции в регионы России с преимущественно мусульманским населением. Москва считает, что в конечном итоге Иран может сыграть стабилизирующую роль в Средней Азии, оказав, к примеру, помощь в послевоенном восстановлении Ирака и Афганистана. Кроме того, российские политики отлично понимают, что путь к переговорам с «Хезболлой» в Ливане и ХАМАСом в секторе Газа лежит через Тегеран. Одним словом, Москва расценивает нынешние массовые демонстрации в крупнейших городах Ирана, скорее как угрозу, а не благоприятный шанс.

Что касается США, то, по мнению наблюдателей, если стратегия американского президента Барака Обамы по наращиванию военных операций в Афганистане будет успешной, эта задача может потребовать установления взаимодействия между Соединенными Штатами и Ираном. Учитывая нестабильность поведения центрально-азиатских стран, открытие коридора через Иран является не таким уж неожиданным решением, как это может показаться с первого взгляда. Интересы Соединенных Штатов и Ирана в отношении Афганистана «очень близки». Учитывая данный факт, идея открытия транзитного маршрута заслуживает как минимум пристального изучения³.

³ См., к примеру, Дейдре Тайнан (Deidre Tynan), «Кампания по расширению сети поставок в Афганистан может подтолкнуть к развитию американо-иранского сотрудничества?», ("EurasiaNet", США), 21 мая 2009.

В данном контексте, много говорится и о сфере сотрудничества США и России по Ирану. Перспектива сотрудничества США с Россией по Афганистану не кажется невозможной, и такое вполне может произойти. Существует возможность сотрудничества и с иранцами. «Тот факт, что Иран и афганские талибы придерживаются консервативного направления в исламе, не превращает их в союзников. Иранцы, подавляющее большинство которых шииты, не очень-то позитивно относятся к перспективе возникновения сильного, единого и воинственного суннитского Афганистана прямо возле своего порога»⁴.

Приведенные мнения о сферах совместных интересов имеют цель продемонстрировать степень их переплетенности в настоящий момент. Понятно, что то или иное отношение к внутренним событиям в Иране будет зависеть от отношения Ирана к планам ведущих держав в регионе. В этом смысле, кажется наиболее вероятным, что США выгоднее работать с загнанным в угол исламским руководством Ирана. Любое развитие оппозиционности в Иране должно будет поощряться. Однако, смена режима в настоящий момент никому не выгодна. Вряд ли влиятельные державы смогут найти язык с любой победившей в Иране политической силой, если за нею будет стоять народ Ирана.

Сами иранские лидеры уже не имеют иного выхода, как начать переговоры с мировыми державами. До сих пор вся их ставка делалась на внутренние ресурсы. Однако, появление в среде протестующих масс претензий к руководству Ирана в том, что они изолируют страну, резко сократила эти ресурсы. Отныне трудно представить, что власти Ирана могут зарабатывать себе имидж на резких антизападных выступлениях.

Все же, как показывает мировая практика, выборы стали неразрешимой задачей для авторитарных режимов стран «третьего мира». Преодолеть это препятствие на пути к полномасштабной власти, никто уже не может. Это обстоятельство приобрело международный политический смысл. Об этом стоит поговорить отдельно.

⁴ См. Возможен ли альянс США, России и Ирана в Афганистане? Клод Салхани (CLAUDE SALHANI), 07 апреля 2009 ("Middle East Times", США).

По мнению автора, «Что касается Ирана, то и у него наверняка будут свои требования в обмен на содействие войскам афганской коалиции во главе с США. Хотя перспектива дружественного соглашения между Вашингтоном и Тегераном многим может не понравиться, коалиция с участием русских и иранцев - это, видимо, единственный способ разгромить "Талибан". Странный альянс? Возможно. Но история знает и гораздо более странные альянсы.

Выборы, как арена политических трансформаций

Чем дальше мир уходит от схемы международного порядка образца «холодной войны», тем чаще общегосударственные выборы в тех или иных странах вырождаются в арену кровавого противостояния. И если годы назад такие выборы становились механизмами бархатной смены власти, то в настоящее время учащаются примеры масштабной внутренней дестабилизации. Более того, если годы назад ареной противостояния были страны постсоветского пространства, то в настоящий момент география кризисных ситуаций расширяется. Нынешняя ситуация в Иране является самым свежим примером.

Похоже, внутреннее развитие государств, а также, международная обстановка в мире дошли до той черты, что выборный процесс формирования власти обрел новые черты, став своеобразной западней для политических систем национальных государств. Внешнеполитическая составляющая государственных проблем стала превалирующим фактором в моменты проведения выборов. Кроме того, исчерпались внутренние механизмы и ресурсы для политической стабилизации в странах с авторитарными режимами. Эти обстоятельства превратили выборы в механизм вынужденных политических трансформаций национальных государств. В конечном счете, судьбу действующих властей уже, во многом, решают внешние силы.

Конечно, процесс формирования национальной власти в любом суверенном государстве чувствовал на себе воздействие внешних факторов во все времена. Так было во времена монархий – так оставалось и в эпоху конституционных государств. Но, тем не менее, в настоящий момент мы имеем дело с принципиально новыми явлениями. В условиях, когда современные национальные государства лишились двух важнейших функций: обеспечения собственной безопасности⁵ одними лишь своими усилиями, а также, обеспечение экономического развития – новые проблемы неминуемо должны были

⁵ Эта тема в настоящий момент достаточно изучена. К примеру, военный историк Мартин ван Кревелд отмечает, что «Одна из основных функций каждого государства - это защищать свое население от агрессии других государств, а также воевать за укрепление своего влияния в мире. С осуществлением военной функции государства связан рост бюрократии и налогообложения и появление на свет такого института, как центральный банк, и технический прогресс, и, не в последнюю очередь, феномен патриотизма. Так обстояло дело до наступления атомной эры, а с тех пор эта функция неуклонно угасает».

возникнуть и в сфере проблем формирования национальной власти. Ведущая роль обществ в вопросах формирования государственной власти значительно сузилась. Объективно, появились иные субъекты, наравне с обществами национальных государств, претендующие на формирование власти в том или ином государстве. Данное обстоятельство стимулировало два важных явления.

В странах с неразвитыми обществами появились режимы, склонные обеспечивать свое стабильное функционирование посредством опоры на внешние силы. В политической практике появились механизмы оттеснения обществ от решающего влияния на процесс формирования власти. Главным образом, это достигается посредством целенаправленной парализации выборного механизма. Ресурсы для проведения такой политики правящие режимы начали черпать вне страны. К таким ресурсам относятся финансовые информационные ресурсы. Стало возможным эффективно дезориентировать общества и формировать в его рамках специальные контингенты реализаторов политики властей. Платой за такие ресурсы стали национальные богатства и национальные интересы собственных государств.

Параллельно с этим явлением в подобных странах зародилось и окрепло и другое явление. Стало возможным создавать эффективные отношения между обществами национальных государств и претендующими на формирование власти в них внешними силами. В случае возникновения общих интересов действующие режимы национальных государств оставались в состоянии бессилия перед внутривластными дезинтеграционными процессами и вытеснялись на обочину политических процессов.

Можно утверждать, что вся суть выборов настоящего времени сводится к конкуренции указанных двух политических явлений. Соответственно, приходится признать, что результаты выборов определяются именно создавшимся балансом сил двух союзнических лагерей. Здесь же находится причина деструктивности внутриполитических процессов в период выборов. Находящие прочную внешнюю поддержку режимы все чаще обращаются к насилию против общества. История бархатных революций в некоторых постсоветских странах, а также, президентские выборы 2008 года в Армении, являются яркими примерами тех или иных итогов выборных процессов. Во всех случаях, имевшие место итоги были определены решающим воздействием внешних сил.

Надо было ожидать, что со временем, конкуренция в деле влияния на процесс формирования власти в странах третьего мира должна была усилиться и в среде

влиятельных мировых держав. Пожалуй, эту конкуренцию можно охарактеризовать как третье значительное политическое явление, определяющее судьбу власти в национальных государствах. При этом, последнее явление по своей сути становится сдерживающим фактором указанных выше двух других явлений. То есть, со временем, процессы выборов в национальных государствах снова начинают зависеть, большей степени, от внутренних ресурсов. Создавать эффективные союзы с внешними инстанциями становится труднее и режимам, и обществам третьих стран. В таком случае результаты политических процессов зависят от потенциала властей и общества.

Но, сказать, что от этого проводить законные выборы стало возможным, было бы наивно. Наоборот, можно предположить, что здесь и кроется причина кровавых трагедий. Ни один режим подобных стран не в состоянии выиграть выборы без применения открытого насилия и репрессий против общества. Одновременно, ни одно общество пока не в состоянии самостоятельно преодолеть усилия власти по парализации выборов. В реальности, такое положение приводит к радикализации противостоящих сил.

Отнюдь не случайно, что в повестке дня стран «третьего мира» периодически появляются знакомые тезисы о «вреде демократических выборов» и о «полезности диктатуры во имя установления стабильности и закона». Эти тезисы выдвигаются всегда в ответ на появление требований общества соблюдать законность. То обстоятельство, что диктатура тем и характеризуется, что не приемлет государственный закон, как-то не обсуждается. Вместо понятия «законность» в обиход вводится понятие «порядок». Считается, что нацией необходимо руководить «жезлом железным», чтобы все знали свое место. Народ же считается невежественным, и поручать ему дело формирования государственной власти, считается опасным.

Надо сказать, что абсолютизм является излюбленной моделью государственного устройства для тех, кто ищет проявление воли нации в жесткой внутринациональной дисциплине. При этом считается, что демократичность государственного устройства понижает волю нации и его организованность. То обстоятельство, что наиболее развитыми и влиятельными нациями являются именно народы демократических стран, игнорируется. Высшей ценностью признается показная жесткость поведения диктатора. Состояние страны в счет не берется.

Вышеприведенные представления о «законе» и «порядке» сильно развиты в авторитарных странах. На это и делают ставку местные режимы, стремясь

оправдать репрессии. В этом смысле появившиеся мнения о том, что после волны протестов власти Ирана могут пойти на смягчение давления внутри страны, кажутся несостоятельными. Наоборот, компенсацией за вынужденное смягчение отношения к влиятельным державам должно стать ужесточение отношения к собственному обществу. Никакой иной возможности удержать власть уже не имеется.

Ярким примером этого является опыт Армении. Удержавший в 2008 году путем насилия свои позиции действующий режим вынужден идти путем централизации власти и усиления ее репрессивности. Кстати, Армения представляет пример первого государства, где мнения Запада и России совпали по поствыборной ситуации 2008 года. Никто из держав не посмел пойти на противостояние друг с другом по ситуации в Армении. На деле, такое отношение привело к еще большему осложнению возникшего здесь политического кризиса. Власти не смогли сбить волну протеста, что вынудило их пойти на полный пересмотр технологии управления.

За прошедший с момента применения насилия 1 марта в Ереване период, кадровый состав власти резко изменился посредством привлечения на высшие должности представителей криминального бизнеса. Опорой власти делаются политизированные силовые структуры и монополизированная финансово-экономическая сфера. Воочию заметно, что в настоящий момент взят курс на демонтаж провластной коалиции и вытеснение партий из структуры власти. Поле свободной политической деятельности сужается.

Такие тенденции позволяют предположить, что в любой другой стране третьего мира в случае подавления волны протеста действующая власть должна пойти по пути усиления репрессивности. То есть, если в Иране не будет сменен режим, то имеющийся не сможет сохранить себя даже в условиях нынешней степени централизации и репрессивности. Понадобятся дополнительные технологии умирения общества. Все зависит от того, насколько глубинным является общественный протест и какова реальная картина итогов выборов.

